

Научная статья

УДК 343.97

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(1).135-146

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕСТУПНИКОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Е.А. Алексеева*Курганский государственный университет, г. Курган, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

15 октября 2021 г.

Дата принятия в печать

18 февраля 2022 г.

Дата онлайн-размещения

11 марта 2022 г.

Ключевые слова

Преступность; возраст преступника; несовершеннолетние; геронтологическая преступность; сравнительный анализ

Аннотация. В последние десятилетия в России и зарубежных странах наблюдаются изменения в демографических показателях — повышение среднего возраста человека, прирост доли пожилых людей, сокращение рождаемости, что, в свою очередь, отражается на возрасте преступников. Отечественные работы в основном посвящены преступности конкретных возрастных категорий, комплексные исследования возраста преступника остаются единичными. В статье затрагиваются проблемы периодизации возрастов преступников, формулируются предложения по их оптимизации с целью повышения результативности сравнительных исследований и объективности анализа эффектов возраста и когорты. Автором рассматривается зарубежный опыт изучения возраста как криминологически значимого фактора, эволюция подхода к исследованию кривой «возраст — преступность», приводятся основные тенденции развития половозрастных характеристик личности преступника в США и европейских странах. Автор приходит к выводу, что в России формируются тенденции по повышению возраста среднестатистического преступника. В настоящее время в России по объему и удельному весу доминирует возрастная группа преступников от 30 до 49 лет (57 % осужденных), при этом происходит устойчивый рост числа преступников в возрасте 50 лет и старше со снижением доли осужденных младших возрастов (с 60 до 34 % за последние 20 лет) и криминальной активности несовершеннолетних. Наблюдаются изменения характера преступлений, совершаемых представителями одной когорты в разные возрастные периоды при сохранении их криминальной активности. Так, лица, совершавшие преступления в 1990-е гг. в возрасте 14–17 лет, продолжают преступную деятельность в 2020-е гг. в возрастной группе 30–49 лет. Усматривается повышение доли женщин-преступниц в старшем и пожилом возрасте относительно аналогичных показателей мужчин: среди женщин-осужденных 59 % в возрасте 30–49 лет (54 % мужчин), 15 % — 50 лет и старше (12 % мужчин). Выявленные тренды изменений половозрастных характеристик отечественных преступников сравниваются с общемировыми, отмечается различия в их проявлении в отдельных странах. Автор указывает на специфику влияния эффекта периода и когорты на формирование текущей возрастной структуры преступников в России, высказывает предположения относительно причин и прогноза развития преступной активности различных возрастных групп.

Original article

TRANSFORMATION OF THE AGE STRUCTURE OF CRIMINALS IN RUSSIA AND ABROAD

Elena A. Alekseeva*Kurgan State University, Kurgan, the Russian Federation*

Article info

Received

2021 October 15

Accepted

2022 February 18

Available online

2022 March 11

Abstract. Russia, as well as other countries, has been experiencing demographic changes in the recent decades — increasing average age, growing share of older people, dropping birth rates, which, in their turn, are reflected in the age of perpetrators. The works of Russian scholars are mainly dedicated to criminality of specific age categories, while complex studies of the age of criminals remain rare. The author of the article discusses the problems of determining the limits of age groups, presents recommendations on their optimization with the goal of improving the effectiveness of comparative studies and the reliability of the analysis of age and cohort effects. The author also analyzes foreign experience of studying age as a criminologically relevant factor, the evolution of approaches to studying the «age — crime» curve, and

© Алексеева Е.А., 2022

Keywords

Crime; the age of the offender; minors; gerontological criminality; comparative analysis

presents key trends in the development of the age and gender features of offenders in the USA and the European countries. It is concluded that the emerging trend in Russia is the increasing age of an average offender. Currently, in terms of volume and specific weight, the dominant age group of criminals is that of 30–49 years (57 % of convicts), the number of offenders who are 50 years and older is growing steadily, while there is a decrease in the share of younger convicts (from 60 to 34 % in the last 20 years) and the criminal activities of minors. There are changes in the character of crimes committed by representatives of one cohort in different age periods while their criminal activity is preserved. Thus, persons who committed crimes in 1990s when they were 14–17 years old, continue their criminal activity in 2020s in the age group of 30–49 years. There is a growing share of female offenders of older and senior age compared to the similar indices for male offenders: 59 % of female convicts are 30–49 years old (54 % of male convicts), and 15 % are 50 years old and older (12 % of male convicts). The identified trends in the changes of age and gender features of Russian offenders are compared with the global trends, and the differences between specific countries are pointed out. The author discusses the specific influence of the period and cohort effect on the formation of the current age structure of offenders in Russia and presents some suggestions regarding the causes and the forecast of the dynamics of criminal activities of different age groups.

Среднестатистическая продолжительность жизни человека, согласно данным ООН, за последние три десятилетия увеличилась с 64 до 72 лет. Это связано с повышением уровня общественного развития в целом и, в частности с социально-экономическими факторами благополучия граждан. В то же время наблюдается снижение рождаемости, что приводит к старению населения, этот процесс особенно заметен в странах Европы и Северной Америки. В 2019 г. число пожилых людей в возрасте от 65 лет и старше впервые превысило количество детей до 5 лет, в возрастной группе 65+ наблюдается наиболее быстрый темп прироста. Ожидается, что к 2050 г. каждый шестой житель Земли будет старше 65 лет¹.

В России последние пять лет наибольшую по численности группу населения составляют лица от 30 до 39 лет, растет население в возрасте от 60 лет и старше. С 1990 по 2019 г. средний возраст гражданина России повысился с 35,8 до 40,2 года². Тенденция по перераспределению долей в возрастной структуре общества отражается на всех сферах его жизни, в том числе и на преступности как социально-правовом явлении.

Возраст преступника — значимая социально-демографическая характеристика личности правонарушителя, определяет ее психологические особенности, поэтому возрастные характеристики индивида часто влияют на криминальный потенциал конкретной личности, а доминирующие возрастные группы преступни-

ков — на количественные и качественные характеристики преступности в целом. Однако, как отмечает А.Н. Варыгин, несмотря на значимость возраста в криминологической характеристике личности преступника, в научной доктрине отсутствует единство взглядов на периодизацию возраста преступника, что в значительной степени усложняет процесс исследования и верификации результатов [1, с. 34].

Возрастные периоды, выделяемые в отечественной официальной статистике, действительно сформированы непропорционально. Так, в отчетах Министерства внутренних дел РФ, Генеральной прокуратуры РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ выделяются шесть возрастных периодов: 14–15 лет (2 года), 16–17 лет (2 года), 18–24 года (7 лет), 25–29 лет (5 лет), 30–49 лет (20 лет), 50 лет и старше. Последний возрастной период не поддается объективному исчислению, поскольку в законодательстве отсутствует максимальный возраст уголовной ответственности. Если при выделении первых двух возрастных категорий действуют уголовно-правовые критерии (минимальный возраст уголовной ответственности — от 14 до 15 лет и общий возраст уголовной ответственности до совершеннолетия — от 16 лет до 17 лет), то последующие возрастные категории целесообразно распределить по более равномерным периодам. Периодизация может быть основана на нормативных кризисах развития личности — 17, 30, 45, 60 лет [2; 3], отражающих социально-психологические особенности каждой возрастной группы, либо на формальном выделении равных периодов. Например, уголовно-право-

¹ World Population Prospects 2019 // United Nations. URL: <https://population.un.org/wpp>.

² Демографический ежегодник России. 2019 : стат. сб. / Росстат. М., 2019. 252 с.

вая статистика США выделяет пятилетние возрастные периоды (25–29, 30–34, 35–39 и т.д.)³. Последний подход позволяет более детально изучить распределение долей преступников по возрастным категориям, что способствует таргетированию мер предупреждения преступлений.

Преступное поведение различных возрастных групп имеет свои особенности, отражающиеся на выборе объекта посягательства, способе совершения преступлений, характере и спетении их общественной опасности. Наибольшее количество отечественных криминологических исследований сосредоточено на преступности несовершеннолетних, которой (в отличие от преступности взрослых) свойственны: большая чувствительность состояния к внешним факторам и сезонности, групповой характер совершения преступлений, ситуативность действий преступников, высокая латентность и преобладание корыстных преступлений против собственности [4–6].

Преступность лиц молодого и зрелого возраста редко становится самостоятельным предметом исследования, поскольку совпадает с криминологической характеристикой средне-статистического преступника и рассматривается в данном аспекте. Однако ввиду ее широкого возрастного диапазона необходимо углубление знаний относительно отдельных возрастных периодов внутри данных групп. Так, О.В. Касимов выделяет по три периода внутри групп преступников молодого и зрелого возраста, каждая из которых имеет социально-психологические особенности [7, с. 11].

Характеризуя феномен формирования геронтологической преступности, к субъектам которой относятся лица пожилого возраста (от 60 лет и старше), Т.И. Вишневская отмечает активную роль таких демографических факторов, как увеличение средней продолжительности жизни человека, рост численности пожилого населения (особенно группы от 80 лет и старше), повышение медианного возраста, преобладание женщин в структуре возрастного населения. При этом пожилые преступники отличаются устойчивыми дефектами социализации, высоким уровнем алкоголизации и рецидива, снижением интеллектуальных способностей, в том числе памяти и внимания, склонностью к агрессии на фоне обострения заболеваний, повышенной виктимностью, низким уровнем жизни [8, с. 62].

³ Crime Data Explorer // Federal Bureau of Investigation. URL: <https://crime-data-explorer.app.cloud.gov/pages/explorer/crime/arrest>.

Зарубежные исследования взаимосвязи возраста и частоты совершения преступлений терпели изменения с начала их проведения в рамках социологической школы криминологии. В 80-х гг. XX в. внимание криминологов концентрировалось на склонности контрентного индивида к противоправному поведению в определенном периоде жизни (Д.Ф. Гринберг [9], Т. Хирши, М. Готфредсон [10]). В последние десятилетия превалирует изучение влияния возрастных когорт преступников на состояние преступности, соотношение их динамики (Дж. Ван Дейк [11], Г. Фаррелл, Г. Лейкок, Н. Тилли [12], Б. Мэтьюз, Дж. Минтон [13]). Таким образом, кривая «возраст — преступность» (АСС)⁴, изучаемая в рамках факторного анализа, в настоящее время рассматривается на макроуровне преступности.

Тенденция снижения уровня преступности в Европе и США, наблюдаемая с 1990-х гг. по настоящее время, породила ряд исследований, в основе которых лежит тезис о влиянии периода, возраста и когорты на состояние преступности [14]. Эффект периода выражается в изменении преступной активности во всех возрастных группах, которое обусловлено объективными факторами (например, улучшением социально-экономических показателей, повышением результативности деятельности полиции в конкретный временной интервал). В случае изменения преступной активности лиц, рожденных в определенный период (например, 1980–1990 гг.), независимо от их текущего возраста и вне взаимосвязи с показателями других возрастных групп или преступности в целом проявляется эффект когорты. Эффект возраста наблюдается при изучении лиц, формально относящихся к конкретному возрасту на дату проведения исследования независимо от года рождения (например, лица в возрасте от 25 до 29 лет), и отражает преимущественно количественные показатели преступной активности [15].

Анализ показателей АСС с 1990 по 2010 г. позволил криминологам из США выявить тенденцию к снижению криминальной активности среди лиц, рожденных после 1970-х гг., исходя из сокращения числа арестованных за общеуголовные преступления⁵ за 20 лет на 25 % [16]. Таким образом, на состояние преступности в данный период оказал влияние эффект когорты, поскольку снижение уровня преступности

⁴ Age-Crime Curve (ACC).

⁵ Убийства, телесные повреждения, изнасилования, кражи, грабежи, разбои.

обусловлено не равномерным понижением коэффициента преступной активности во всех возрастных группах, а за счет уменьшения численности преступников младшего возраста. Коэффициент преступной активности граждан, входящих в возрастную группу старше 40 лет, остался прежним за последние 20 лет, вместе с тем в данной группе увеличилась доля преступников, совершающих тяжкие преступления (с 9,3 до 25,3 %), при отрицательной динамике преступлений данной категории в целом.

Снижение преступной активности среди молодежи также констатировали в своих исследованиях европейские криминологи. Например, в Норвегии за последние 15 лет отмечается сокращение насильственной преступности и случаев проявления физической агрессии среди несовершеннолетних, даже среди наиболее склонных к данному виду преступности лиц старшего подросткового и младшего взрослого возраста. Указанное обусловлено повышением качества жизни, снижением алкоголизации и семейного насилия, более конструктивными способами проведения свободного времени, уменьшением вовлеченности в антисоциальные формы досуга, усилением родительского контроля [17, р. 2301].

Аналогичную тенденцию к снижению преступности среди лиц от 15 до 17 лет, впервые совершивших преступление (при сохранении уровня рецидивистов), с возрастанием числа осужденных в возрасте от 31 до 65 лет в Дании в 1996–2013 гг. констатировали Л. Андерсен, С. Анкер и С. Андерсен [18, р. 1305].

В 1995–2013 гг. в Англии и Уэльсе снизилось количество осужденных в группе от минимального возраста уголовной ответственности до 30 лет, и возросло в группе от 31 года и старше [19]. В 1989–2011 гг. в Шотландии наблюдались отрицательная динамика виктимизации и корыстной преступности, а также общее сокращение количества осужденных. Снижение в возрастной группе от 17 до 30 лет у мужчин составило 63 %, у женщин — 37 %, в то же время в группе старше 30 лет рост составил 21 % у мужчин и 53 % у женщин. Следовательно, повысился средний возраст преступника с 26,2 года у мужчин (28 лет у женщин) в 1989 г. до 30,8 года у мужчин (31,3 года у женщин) в 2011 г. По данным Б. Мэтьюза, Дж. Минтона, пиковое значение кривой АСС в Шотландии, приходящее на старший подростковый и младший взрослый возраст, не изменялось, но распределение между возрастными группами пре-

ступников стало более плавным и равномерным. Отрицательная динамика преступности обусловлена снижением численности молодых преступников-мужчин, а доли пожилых преступников и женщин не снижались [13, р. 307].

Австралийские криминологи отмечают, что тенденция сокращения преступности за счет уменьшения числа молодых преступников носит общемировой характер. При этом в Австралии снижается количество лиц, впервые совершивших преступление, и повышается число рецидивистов с преобладанием преступников из экономически неблагополучных социальных групп [20, р. 818].

По данным МВД России, с 2006 по 2020 г. в нашей стране снизилось количество зарегистрированных преступлений (–47 %) и выявленных лиц, их совершивших (–37 %)⁶. Отрицательная динамика преступности и лиц, привлекаемых к уголовной ответственности в России, носит устойчивый характер и совпадает с общемировой тенденцией снижения преступности и правонарушителей в США, Канаде, Австралии и части европейских стран с учетом незначительных колебаний⁷. Однако сокращение числа преступников по возрастным группам распределено неравномерно. Так, за указанный период преступность несовершеннолетних в России сократилась на 74 %, а взрослых — на 33 %. Количественный анализ лиц, привлеченных к уголовной ответственности, по возрастным группам позволяет сделать вывод о старении преступности в России. При снижении численности населения в стране в 2003–2009 гг. наблюдается увеличение количества осужденных в возрасте от 30 до 49 лет и от 50 лет и старше (табл. 1)⁸.

В 2003–2007 гг. выросла численность преступников во всех возрастных группах, но с 2008 г. появилась тенденция к снижению количества преступников в возрасте от 14 до 29 лет. Затем следовали периоды колебаний, когда рост численности преступников сменялся снижением (2017–2020 гг.) во всех возрастных группах. Наибольшие колебания в величине

⁶ Состояние преступности в России в 2006–2020 гг. // ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatnost/statistics>.

⁷ Persons brought into formal contact with police/criminal justice system 2019 // DATAUNODC. URL: <https://dataunodc.un.org/data/crime/Persons%20brought%20into%20formal%20contact>.

⁸ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007 гг. и 2008–2020 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

Таблица 1 / Table 1

Численность осужденных по возрастным группам в России в 2003–2020 гг., чел.
Number of convicts in Russia by age groups in 2003–2020, persons

Год / Year	Возраст, лет / Age, years		
	14–29	30–49	50 и старше / 50 and older
2003	466 315	265 198	42 407
2004	472 809	274 002	47 107
2005	515 691	308 516	54 686
2006	525 156	326 613	58 152
2007	527 137	327 621	61 808
2008	519 211	340 989	64 966
2009	481 077	346 097	65 186
2010	439 786	342 206	63 079
2011	393 669	330 303	58 302
2012	359 672	323 830	55 776
2013	347 015	330 150	58 175
2014	325 781	335 240	58 276
2015	320 802	355 492	58 287
2016	314 804	361 228	65 297
2017	278 265	355 127	63 662
2018	245 053	351 171	62 067
2019	211 184	330 242	56 781
2020	178 791	301 037	51 170

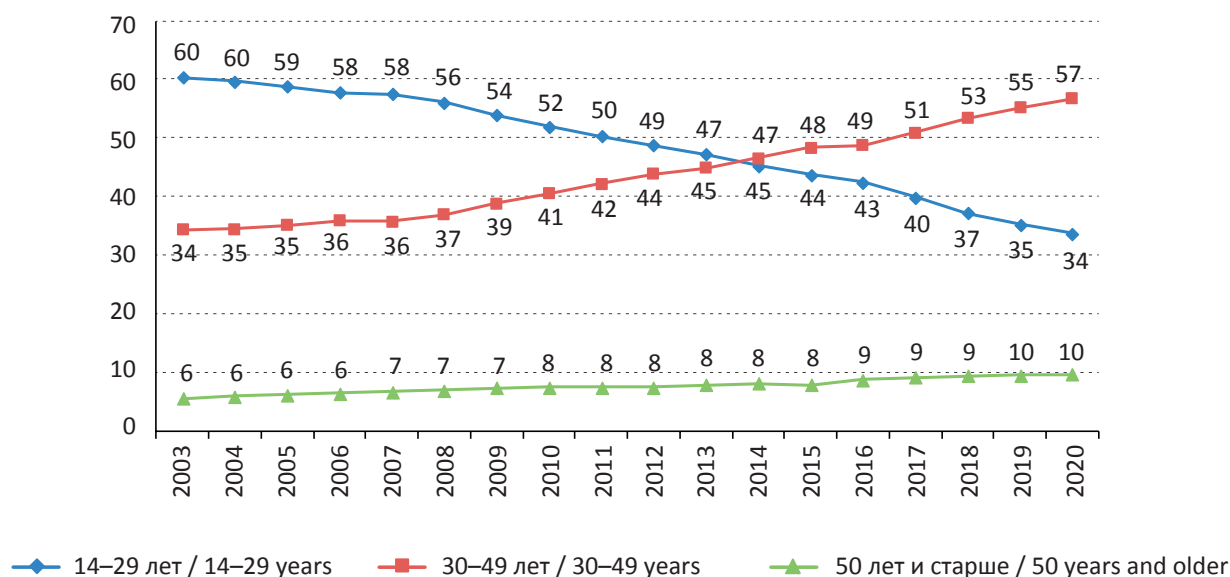
показателей наблюдались в возрастной группе от 14 до 29 лет, и ее динамика не всегда совпадала с остальными возрастными периодами. В 2008, 2009, 2013–2016 гг. снижение молодежной преступности сопровождалось ростом преступлений среди лиц от 30 до 49 лет и от 50 лет и старше. Пик количественных показателей численности преступников в возрасте от 30 лет и старше за 2003–2020 гг. пришелся на 2016 г.

Более отчетливо тенденция старения преступников в России усматривается в показателях динамики удельного веса возрастных групп осужденных (рис.). На протяжении 18 лет в России снижалась доля осужденных в возрасте от 14 до 29 лет (с 60 до 34 %) при росте доли лиц от 30 до 49 лет до аналогичных значений (с 34 до 57 %) в сочетании с плавным и устойчивым повышением доли преступников в возрасте 50 лет и старше.

Указанная тенденция укладывается в теорию Д. Фаррингтона — пик различных видов правонарушений приходится на разный возраст, что отражает смену состава преступления, а не замену одной группы правонарушителей другой. Эффекты возраста необходимо отделить от эффектов периода и когорты [21, р. 422]. Предшествующее поколение росло и воспитывалось в других социально-экономических условиях и имеет иные характеристики воспитания и социализации, чем

последующее. Каждое новое поколение при устойчивом социально-экономическом и политическом устройстве развитого общества обладает меньшим криминогенным потенциалом, чем предыдущее. Таким образом, когорта рожденных в конце 1980-х и начале 1990-х гг., начиная совершать преступления в 2003 г. в возрасте 18–29 лет, к 2014 г. перешла в возрастную группу 30–49 лет, а численность возрастной группы от 14 до 18 лет планомерно снижалась ввиду объективных социальных изменений в России. Усматривается эффект когорты, обусловленный специфическими условиями становления личности преступника, родившегося в середине 1980-х гг.

Согласно постулатам возрастной психологии, сензитивный период первичного этапа формирования личности человека длится от 5 до 7 лет, когда закладываются основы мировоззрения и базовые морально-этические понятия, внутренняя совесть, соподчиненность мотивов, произвольное поведение и личное сознание, умение ориентироваться в социальных нормах на основе подражания взрослым [22, с. 643]. Сензитивный период лиц, рожденных в середине 1980-х гг. пришелся на 1990-е гг., когда в России происходили бурные социально-экономические, политические и идеологические изменения, повышение криминальной актив-

Динамика удельного веса возрастных групп в общем числе осужденных в России в 2003–2020 гг., %
Dynamics of the specific weight of different age groups in the total number of convicts in Russia in 2003–2020, %

ности, внедрение криминальной субкультуры в жизнь общества, снижение родительского контроля за воспитанием детей ввиду необходимости обеспечивать базовые материальные потребности в неустойчивой социальной среде. Однако уже в 2000-е гг. в России сложились основные социальные институты, начали снижаться показатели преступности, происходила стабилизация общества, вытеснение криминальных элементов. Следовательно, граждане, рожденные в середине 1990-х гг., росли в менее криминогенных условиях, что позитивно отразилось на их личностных характеристиках.

В XXI в. в развитых странах наметилась тенденция к удлинению «молодежного» возраста: растягивается период обучения и иждивения детей в родительской семье, после чего происходит этап профессиональной ориентации человека и его карьерного роста, а позже и создание собственной семьи [23]. Если в 1980-е гг. трудоустройство, создание семьи и рождение детей приходилось на возрастной период от 18 до 24 лет, то в 2019 г. — от 25 до 34 лет. Средний возраст матери для городского населения увеличился с 20–24 лет (1985 г.) до 30–34 лет (2019 г.). Снижение коэффициента рождаемости за последние 30 лет с 2 детей до 1,5⁹ влечет сокращение воз-

растной когорты, рожденных в каждый год промежутка, особенно с 1995 по 2003 г., тогда коэффициент составил 1,2. При рождении меньшего количества детей в более благоприятных социально-экономических условиях повышается качество их воспитания и материального обеспечения в родительской семье. С 2008 г. (рожденные в 1995 г. достигли возраста 13 лет) наблюдается устойчивое снижение численности несовершеннолетних преступников (см. табл. 1) и удельного веса данной возрастной группы преступников в России (см. рис.). Усиление родительского контроля, уход школьников от антисоциальных способов проведения досуга в последние десятилетия оказали позитивный профилактический эффект на преступность несовершеннолетних — снизился показатель криминальной активности лиц, рожденных и прошедших период старшего дошкольного возраста в начале XXI в. При условии сохранения стабильных позитивных социально-экономических показателей в России каждое последующее поколение будет характеризоваться меньшим криминогенным потенциалом, что не исключает эпизодические подъемы преступности несовершеннолетних, обусловленные эффектом периода.

В 2020 г. в России по объему и удельному весу доминирует возрастная группа преступников от 30 до 49 лет. Как отмечает В.О. Каси-

⁹ Демографический ежегодник России. 2019 : стат. сб. / Росстат. М., 2019. 252 с.

мов, «среди правонарушителей преобладает возрастная группа 36–49 лет (33,4 %); средний возраст преступника составил 37,1 год (у мужчин — 36,7 лет, у женщин — 38 лет) [7, с. 11]. Аналогичные тенденции отмечаются в зарубежных странах. Так, в 2020 г. в Великобритании преобладали осужденные в возрасте от 30 до 39 лет, вторая по численности группа — лица с 40 до 49 лет¹⁰. В 2019 г. в США 43,5 % осужденных — лица в возрасте от 30 до 49 лет¹¹.

Повышение продолжительности жизни человека в России позволяет группе преступников от 50 лет и старше сохранять свои позиции в возрастной структуре отечественных преступников с тенденцией к медленному, но устойчивому росту их численности (см. табл. 1, рис.).

Изучение возрастной динамики лиц, совершающих преступления, позволяет прийти к выводу о постепенном «старении» среднестатистического преступника обоих полов¹² (табл. 2).

Аналогичная тенденция прослеживается в возрастной структуре преступников в США¹³ (табл. 3). Наиболее динамичный рост происхо-

¹⁰ Prisons data // UK Government. URL: <https://data.justice.gov.uk/prisons>.

¹¹ Crime Data Explorer // Federal Bureau of Investigation. URL: <https://crime-data-explorer.app.cloud.gov/pages/explorer/crime/arrest>.

¹² Социальный портрет преступности // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/social_portrait.

¹³ Crime Data Explorer // Federal Bureau of Investigation. URL: <https://crime-data-explorer.app.cloud.gov/pages/explorer/crime/arrest>.

дил в возрастных группах от 30 до 49 лет и 50 лет и старше. В 2010 г. среди арестованных преобладали лица от 18 до 29 лет (среди мужчин и женщин), в 2015 г. количество правонарушителей в возрасте 18–29 сравнялось с числом преступников в возрастной группе 30–49 лет, а в 2019 г. последняя стала доминирующей. При этом снижалась численность несовершеннолетних преступников и повышалось количество преступников старше 50 лет.

Несмотря на схожесть изменений в доминирующих возрастных группах, половозрастная структура отечественных преступников отличается от американской. В России для женщин характерна более поздняя криминальная активность: в группе от 14 до 29 лет доля мужчин-преступников превышает долю женщин и, наоборот, в группах от 30 до 49 лет и от 50 лет и старше доля женщин-преступниц выше [24]. В США отсутствует жесткая дифференциация половозрастной структуры преступников. Доля женщин-преступниц в возрасте до 17 лет незначительно превышает долю мужчин, показатели выравниваются в возрастной группе от 18 до 49 лет. В возрасте от 50 лет и старше у женщин в США криминальная активность снижается по сравнению с мужчинами в данной возрастной категории. Следовательно, возраст вхождения в криминальную деятельность и выхода из нее в половозрастной структуре преступников в России и США выглядит зеркально, что обусловлено особенностями социальной роли и воспитания женщины в данных странах. Динамика отечественной половоз-

Таблица 2 / Table 2

Доля лиц определенного возраста в половой структуре преступников в России в 2010, 2015 и 2020 гг., %
Age and gender structure of offenders in Russian in 2010, 2015, and 2020, %

Год / Year	Пол / Gender	Возраст, лет / Age, years					
		14–15	16–17	18–24	25–29	30–49	50 и старше / 50 and older
2010	Мужчины / Male	2	5	26	19	40	9
	Женщины / Female	2	3	20	18	45	13
2015	Мужчины / Male	2	4	20	19	46	10
	Женщины / Female	1	2	14	17	52	13
2020	Мужчины / Male	1	3	15	15	54	12
	Женщины / Female	1	1	11	13	59	15

Таблица 3 / Table 3

**Доля лиц определенного возраста в половой структуре
преступников в США в 2010, 2015 и 2019 гг., %**
Age and gender structure of offenders in the USA in 2010, 2015, and 2019, %

Год / Year	Пол / Gender	Возраст, лет / Age, years					
		14–15	16–17	18–24	25–29	30–49	50 и старше / 50 and older
2010	Мужчины / Male	5	7	27	15	35	10
	Женщины / Female	7	7	29	15	35	7
2015	Мужчины / Male	4	4	30	16	37	12
	Женщины / Female	5	5	23	18	40	10
2019	Мужчины / Male	3	3	20	17	43	14
	Женщины / Female	4	4	20	17	44	11

растной структуры преступников совпадает с европейской. Например, в Швеции почти 50 % мужчин и более 60 % женщин совершили первое преступление после 25 лет. Около 23 % мужчин и 38 % женщин с криминальным прошлым в когорте впервые были привлечены к уголовной ответственности в зрелом возрасте [25].

Распределение преступников в возрастных группах зависит и от характера совершаемых преступлений. Как отмечают Дж. Улмер и Д. Стеффенсмейер, молодые преступники чаще совершают угоны, кражи, грабежи, разбои, уничтожают чужое имущество, занимаются сбытом наркотиков; для лиц старшего возраста типичны преступления против личности, особенно умышленные убийства, и преступления с высоким уровнем материальной выгоды (должностная преступность, мошенничества и т.д.) [26, р. 378].

Среди несовершеннолетних в России наиболее распространенными являются преступления против собственности (6 %), половой свободы и неприкосновенности личности (4 %), основ конституционного строя и безопасности государства (4 %) ¹⁴ (табл. 4). Последнее связано с размещением деструктивного контента в сети Интернет подростками в возрасте от 16 до 18 лет и частым привлечением их к уголовной ответственности по ст. 280 и 282 УК РФ. Среди преступлений против собственности преоблада-

ют вымогательства (15 %), совершаемые несовершеннолетними в отношении ровесников и лиц младшего возраста, разбои (9 %), грабежи (8 %), кражи (5 %).

В возрастной группе от 18 до 24 лет преобладают преступления против военной службы (72 %), что обусловлено призывным возрастом граждан ¹⁵, а также правонарушения в сфере компьютерной информации (48 %), поскольку на данную возрастную когорту пришелся период бурного развития и внедрения в повседневное использование гаджетов и информационно-коммуникационных технологий. Лица в возрасте от 18 до 24 лет лидируют среди субъектов преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, что обусловлено не только физиологическими, но психологическими особенностями возраста (активностью в сексуальной сфере в сочетании с отсутствием опыта построения отношений, гипертимностью, решительностью, настойчивостью и т.д. [22, с. 645]). Однако 49 % осужденных по ст. 131 УК РФ — лица в возрасте от 30 до 49 лет.

Преимущественный возраст лица, совершающего насильственные преступления против личности, от 30 до 49 лет (59 %), а доля таких преступлений в возрастной группе 50 лет и старше (17 %) превышает среднестатистическую по всем составам во всех выделяемых

¹⁴ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 г. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

¹⁵ Отказ от обязательного призыва и переход на прохождение военной службы в добровольном порядке (по контракту) способствовал бы снижению данных показателей.

Таблица 4 / Table 4

**Доля лиц определенного возраста, осужденных по соответствующим главам
Уголовного кодекса РФ, в России в 2020 г., %**

**Age distribution of offenders convicted under the corresponding Chapters of the Criminal Code
of the Russian Federation in 2020, %**

Глава Уголовного кодекса РФ / Chapter of the CC of the RF	Возраст, лет / Age, years				
	14–17	18–24	25–29	30–49	50 и старше / 50 and older
16	1	10	13	59	17
17	2	23	15	48	11
18	4	38	14	35	8
19	1	10	13	61	15
20	0	3	10	83	5
21	6	20	17	51	7
22	1	14	15	52	18
23	0	5	7	62	26
24	2	11	11	52	24
25	2	18	19	55	6
26	0	7	11	57	25
27	0	12	18	59	10
28	0	48	16	31	4
29	4	20	18	47	11
30	0	8	14	57	21
31	0	6	12	69	13
32	1	13	15	57	14
33	0	72	15	13	0
34	0	33	11	44	11
Все главы / All Chapters	3	15	16	57	10

возрастных группах (см. табл. 4). Примечательно, что в возрастной группе 50 лет и старше доля лиц, осужденных за совершение убийства, превышает 23 %.

Повышенный средний возраст совершения насильственных преступлений отмечается и в европейских странах. В Австрии, Беларуси, Венгрии, Германии, Дании, Италии, Норвегии, Франции, Чехии большинство осужденных за умышленное убийство совершили его в возрасте от 30 до 44 лет. В Канаде и США данная возрастная группа находится на втором месте, а доминирует группа лиц в возрасте от 18 до 24 лет¹⁶. Наименьшую криминальную активность в сфере насильственной преступности демонстрируют несовершеннолетние (1 %), что характерно и для других стран. Случаются и волнообразные периоды повышения степени общественной

опасности преступности несовершеннолетних (в 2010, 2015 и 2019 гг. в России наблюдались пики особо тяжких преступлений)¹⁷.

В группе лиц в возрасте от 30 до 49 лет наибольшую долю составляют преступления против: семьи и несовершеннолетних (83 %), правосудия (69 %), интересов службы в коммерческих и иных организациях (62 %). Характер совершаемых преступлений детерминирован социальными ролями, свойственными зрелости — наличием семьи и детей на иждивении, максимальной вовлеченностью в общественные, в том числе трудовые отношения.

Лицами от 50 лет и старше наиболее часто совершаются должностные преступления в коммерческих (26 %) и государственных (21 %) структурах, поскольку ведущей мотивацией является обеспечение собственного материального благополучия (семьи и детей) при занятии высших должностей по выслуге лет. Снижение внимания, памяти и

¹⁶ Persons brought into formal contact with police/criminal justice system for intentional homicide, by sex and age // United Nations Office on Drugs and Crime. URL: <https://dataunodc.un.org/data/homicide/Persons%20arrested/suspected%20for%20homicide>.

¹⁷ Социальный портрет преступности // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/social_portrait.

когнитивных функций часто становится причиной совершения преступлений против общественной безопасности (24 %) в части нарушения требований и правил безопасности. В 2019 г. в России произошло реформирование пенсионной системы¹⁸ с повышением пенсионного возраста населения на пять лет, что расширяет возможности совершения должностных преступлений в возрасте от 50 лет и старше. Преступления против военной службы и в сфере компьютерной информации меньше всего совершаются лицами, осужденными в возрасте 30–49 лет и пожилом возрасте.

В возрастной группе от 25 до 29 лет максимальное число осужденных за преступления против здоровья населения и общественной нравственности (19 %), а также против собственности (17 %). Среди последних преобладают разбои (20 %) и грабежи (19 %). Характерной чертой людей данного возраста является профессиональное самоопределение и реализация. Преступления, как правило, совершают нетрудоустроенные лица без постоянного источника дохода, для которых таковым являются средства, получаемые от незаконного оборота наркотиков и хищений. В сфере оборота наркотиков особенно проявляется тенденция к «профессионализации» криминальной активности по аналогии с трудовой деятельностью — по периодичности, устойчивости, сложности организации, стремлению к повышению дохода, занятию лидирующих позиций в организованной группе и т.д. Кроме того, на возрастной период от 25 до 29 лет часто приходится покупка

первого автомобиля и / или трудоустройство, связанное с эксплуатацией транспорта, в связи с чем доля лиц, осужденных за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, в данной возрастной группе составляет 18 %.

Таким образом, снижение численности несовершеннолетних преступников в России происходит в рамках общемировой тенденции по сокращению криминальной активности лиц от 15 до 18 лет, повышению среднестатистического возраста преступника и смене доминирующей возрастной категории преступников с 14–29 лет на 30–49 лет. В ближайшие десятилетия следует ожидать устойчивого роста числа преступников в возрасте от 50 лет и старше и старения среднестатистического преступника, что связано с увеличением продолжительности жизни населения.

Тенденция по снижению показателей преступности будет обусловлена эффектом когорты (отрицательная динамика преступности несовершеннолетних) с незначительными промежутками роста, связанными с эффектом периода в России. В отличие от западных стран, где снижение преступности несовершеннолетних дифференцируется по половому признаку (доля мужской преступности снижается быстрее женской), для отечественной преступности характерно равномерное сокращение преступности несовершеннолетних обоих полов. В возрастных группах просматривается устойчивый тренд по увеличению доли женской преступности с повышением возраста и обратная тенденция для преступности мужчин.

Полагаем, что анализ доминирующих возрастных групп является значимым фактором повышения эффективности мер предупреждения преступности в целом и ее отдельных видов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варыгин А.Н. Преступность представителей различного возраста / А.Н. Варыгин // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2016. — № 4 (26). — С. 33–35.
2. Краснова О.В. Кризисы развития: по результатам контент-анализа шестидесяти возрастных периодизаций / О.В. Краснова, А.А. Краснов // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. — 2014. — № 1 (9). — С. 179–188.
3. Спиридонов М.С. Сравнительный анализ криминологических исследований молодежной преступности / М.С. Спиридонов // Современная наука. — 2011. — № 3. — С. 51–55.
4. Антонян Ю.М. Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России / Ю.М. Антонян, М.В. Гончарова. — DOI 10.18384/2310-6794-2018-2-87-100 // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. — 2018. — № 2. — С. 87–100.
5. Теунаев А.С. Новый взгляд на качественно-количественные показатели подростковой преступности в России / А.С. Теунаев, М.Е. Дубова. — DOI 10.25136/2409-7136.2021.2.34667 // Юридические исследования. — 2021. — № 2. — С. 44–62.
6. Демидова-Петрова Е.В. Исследование преступности несовершеннолетних в современной России / Е.В. Демидова-Петрова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Право. — 2021. — Т. 12, № 1. — С. 4–16.
7. Касимов В.О. Возраст преступника как криминологическая проблема : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.О. Касимов. — Саратов, 2018. — 33 с.
8. Вишневская Т.И. Специфика детерминации геронтологической преступности / Т.И. Вишневская. — DOI 10.51980/2542-1735_2020_1_61 // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2020. — № 1 (38). — С. 61–69.

9. Greenberg D.F. Age, Crime, and Social Explanation / D.F. Greenberg. — DOI 10.1086/228242 // *American Journal of Sociology*. — 1985. — Vol. 91, iss. 1. — P. 1–21.
10. Hirschi T. Age and the Explanation of Crime / T. Hirschi, M. Gottfredson. — DOI 10.1086/227905 // *American Journal of Sociology*. — 1983. — Vol. 89, iss. 3. — P. 552–584.
11. Van Dijk J. Global Overview: International Trends in Victimization and Recorded Crime / J. Van Dijk, A. Tseloni, G. Farrell. — DOI 10.1057/9781137291462_2 // *The International Crime Drop: New Directions in Research*. — Eastbourne : Palgrave Macmillan, 2012. — P. 11–36.
12. Farrell G. Debuts and Legacies: The Crime Drop and the Role of Adolescence-Limited and Persistent Offending / G. Farrell, G. Laycock, N. Tilley. — DOI 10.1186/s40163-015-0028-3 // *Crime Science*. — 2015. — Vol. 4, iss. 1. — P. 4–16.
13. Matthews B. Rethinking one of Criminology's 'Brute Facts': The Age-Crime Curve and the Crime Drop in Scotland / B. Matthews, J. Minton. — DOI 10.1177/1477370817731706 // *European Journal of Criminology*. — 2018. — Vol. 15, no. 3. — P. 296–320.
14. Soothill K. Participation in Crime Among Children and Young Adults: Changes over Time / K. Soothill, E. Ackerley, B. Francis. — Southampton : National Centre for Research Methods, 2006. — 26 p. — URL: http://eprints.ncrm.ac.uk/477/1/1006_participation_in_crime.pdf.
15. Delisi M. 4 Age-Crime Curve and Criminal Career Patterns / M. Delisi // *The Development of Criminal and Antisocial Behavior* / ed. J. Morizot, L. Kazemian. — New York : Springer, 2015. — P. 51–63.
16. Kim J. Identifying Classes of Explanations for Crime Drop: Period and Cohort Effects for New York State / J. Kim, S. Bushway, H.-S. Tsao. — DOI 10.1007/s10940-015-9274-5 // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2016. — Vol. 32, iss. 3. — P. 357–375.
17. Frøyland L.R. Physical Fighting and Leisure Activities among Norwegian Adolescents—Investigating Co-occurring Changes from 2015 to 2018 / L.R. Frøyland, A. Bakken, T. von Soest. — DOI 10.1007/s10964-020-01252-8 // *Journal of Youth and Adolescence*. — 2020. — Vol. 49, iss. 1. — P. 2298–2310.
18. Andersen L.H. A Formal Decomposition of Declining Youth Crime in Denmark / L.H. Andersen, A.S. Anker, S.H. Andersen. — DOI 10.4054/DemRes.2016.35.44 // *Demographic Research*. — 2016. — Vol. 35, no. 1. — P. 1303–1316.
19. Morgan N. The Heroin Epidemic of the 1980s and 1990s and Its Effect on Crime Trends — Then and Now: Technical Report / N. Morgan. — London : Home Office, 2014. — URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.679.6278&rep=rep1&type=pdf>.
20. McCarthy M. How Universal is the Youth Crime Drop? Disentangling Recent Trends in Youth Offending through a Socio-Economic Lens / M. McCarthy. — DOI 10.1080/15564886.2020.1855281 // *An International Journal of Evidence-based Research, Policy, and Practice*. — 2021. — Vol. 16, iss. 6. — P. 796–818.
21. Farrington D.P. Predictors, Causes and Correlates of Male Youth Violence / D.P. Farrington // *Youth Violence* / ed. M. Tonry, M.H. Moore. — Chicago : Univ. of Chicago Press, 1998. — P. 421–476.
22. Столяренко Л.Д. Основы психологии / Л.Д. Столяренко. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2006. — 672 с.
23. Лишаев С.А. От детства к зрелости (феномен пролонгации молодости и современность) / С.А. Лишаев // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Философия. Филология*. — 2016. — № 2 (20). — С. 110–132.
24. Алексеева Е.А. Современные тенденции развития женской преступности в России / Е.А. Алексеева. — DOI 10.24411/1999-6241-2020-11016 // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. — 2020. — Т. 25, № 1 (80). — С. 105–112.
25. Carlsson C. Age, Gender, and Crime in a Stockholm Birth Cohort to Age 64 / C. Carlsson, F. Sivertsson. — DOI 10.1007/s40865-021-00172-w // *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*. — 2021. — URL: <https://doi.org/10.1007/s40865-021-00172-w>.
26. Ulmer J.T. The Age and Crime Relationship: Social Variation, Social Explanations / J.T. Ulmer, D. Steffensmeier // *The Nurture Versus Biosocial Debate in Criminology: On the Origins of Criminal Behavior and Criminality*. — SAGE Publications Inc., 2014. — P. 377–396.

REFERENCES

1. Varygin A.N. Crimes by Representatives of Different Ages. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 2016, no. 4, pp. 33–35. (In Russian).
2. Krasnova O.V., Krasnov A.A. Development Crisesys: A Result of Content Analysis of Sixty Age Periodizations. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve = Models, Systems, Networks in Economics, Engineering, Nature and Society*, 2014, no. 1, pp. 179–188. (In Russian).
3. Spiridonov M.S. Comparative Analysis of Criminological Studies of Youth Crime. *Sovremennaya nauka = Modern Science*, 2011, no. 3, pp. 51–55. (In Russian).
4. Antonyan Y.M., Goncharova M.V. Present State and Causes of Juvenile Delinquency in Russia. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 2, pp. 87–100. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-87-10.
5. Teunaev A.S., Dubova M.E. New Perspective on Qualitative and Quantitative Indicators of Juvenile Crime in Russia. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*, 2021, no. 2, pp. 44–62. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-7136.2021.2.34667.
6. Demidova-Petrova E.V. Research of Juvenile Delinquency in Modern Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya: Pravo = Saint-Petersburg University Bulletin. Series: Law*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 4–16. (In Russian).
7. Kasimov V.O. *The Age of the Offender as a Criminological Problem. Cand. Diss. Thesis*. Saratov, 2018. 33 p.
8. Vishnevskaya T.I. Specificity of Determination of Gerontological Crime. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2020, no. 1, pp. 61–69. (In Russian). DOI: 10.51980/2542-1735_2020_1_61.
9. Greenberg D.F. Age, Crime, and Social Explanation. *American Journal of Sociology*, 1985, vol. 91, iss. 1, pp. 1–21. DOI: 10.1086/228242.

10. Hirschi T., Gottfredson M. Age and the Explanation of Crime. *American Journal of Sociology*, 1983, vol. 89, iss. 3, pp. 552–584. DOI: 10.1086/227905.
11. Van Dijk J., Tseloni A., Farrell G. Global Overview: International Trends in Victimization and Recorded Crime. *The International Crime Drop: New Directions in Research*. Eastbourne, Palgrave Macmillan, 2012, pp. 11–36. DOI: 10.1057/9781137291462_2.
12. Farrell G., Laycock G., Tilley N. Debuts and Legacies: The Crime Drop and the Role of Adolescence-Limited and Persistent Offending. *Crime Science*, 2015, vol. 4, iss. 1, pp. 4–16. DOI: 10.1186/s40163-015-0028-3.
13. Matthews B., Minton J. Rethinking one of Criminology's 'Brute Facts': The Age-Crime Curve and the Crime Drop in Scotland. *European Journal of Criminology*, 2018, vol. 15, no. 3, pp. 296–320. DOI: 10.1177/1477370817731706.
14. Soothill K., Ackerley E., Francis B. *Participation in Crime Among Children and Young Adults: Changes over Time*. Southampton, National Centre for Research Methods, 2006. 26 p. Available at: http://eprints.ncrm.ac.uk/477/1/1006_participation_in_crime.pdf.
15. Delisi M. 4 Age-Crime Curve and Criminal Career Patterns. In Morizot J., Kazemian L. (eds.). *The Development of Criminal and Antisocial Behavior*. New York, Springer, 2015, pp. 51–63.
16. Kim J., Bushway S., Tsao H.-S. Identifying Classes of Explanations for Crime Drop: Period and Cohort Effects for New York State. *Journal of Quantitative Criminology*, 2016, vol. 32, iss. 3, pp. 357–375. DOI: 10.1007/s10940-015-9274-5.
17. Frøyland L.R., Bakken A., Soest T. von Physical Fighting and Leisure Activities among Norwegian Adolescents—Investigating Co-occurring Changes from 2015 to 2018. *Journal of Youth and Adolescence*, 2020, vol. 49, iss. 1, pp. 2298–2310. DOI: 10.1007/s10964-020-01252-8.
18. Andersen L.H., Anker A.S., Andersen S.H. A Formal Decomposition of Declining Youth Crime in Denmark. *Demographic Research*, 2016, vol. 35, no. 1, pp. 1303–1316. DOI: 10.4054/DemRes.2016.35.44.
19. Morgan N. *The Heroin Epidemic of the 1980s and 1990s and Its Effect on Crime Trends — Then and Now: Technical Report*. London, Home Office, 2014. Available at: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.679.6278&rep=rep1&type=pdf>.
20. McCarthy M. How Universal is the Youth Crime Drop? Disentangling Recent Trends in Youth Offending through a Socio-Economic Lens. *An International Journal of Evidence-based Research, Policy, and Practice*, 2021, vol. 16, iss. 6, pp. 796–818. DOI: 10.1080/15564886.2020.1855281.
21. Farrington D.P. Predictors, Causes and Correlates of Male Youth Violence. In Tonry M., Moore M.H. (eds.). *Youth Violence*. University of Chicago Press, 1998, pp. 421–476.
22. Stolyarenko L.D. *Fundamentals of Psychology*. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2006. 672 p.
23. Lishaev S.A. From Childhood to Maturity (Modernity and a Phenomenon of Youth Prolongation). *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya = Bulletin of the Samara Academy of Humanities. The series Philosophy. Philology*, 2016, no. 2, pp. 110–132. (In Russian).
24. Alexeeva E.A. Modern Tendencies in Development of Female Crimes in Russia. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogics in Law Enforcement Agencies*, 2020, vol. 25, no. 1, pp. 105–112. (In Russian). DOI: 10.24411/1999-6241-2020-11016.
25. Carlsson C., Sivertsson F. Age, Gender, and Crime in a Stockholm Birth Cohort to Age 64. *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*, 2021. DOI: 10.1007/s40865-021-00172-w.
26. Ulmer J.T., Steffensmeier D. The Age and Crime Relationship: Social Variation, Social Explanations. *The Nurture Versus Biosocial Debate in Criminology: On the Origins of Criminal Behavior and Criminality*. SAGE Publications Inc., 2014, pp. 377–396.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеева Елена Александровна — доцент кафедры уголовного права Курганского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Курган, Российская Федерация; e-mail: alekseeva10@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alekseeva, Elena A. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law, Kurgan State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Kurgan, the Russian Federation; e-mail: alekseeva10@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Алексеева Е.А. Трансформация возрастной структуры преступников в России и за рубежом / Е.А. Алексеева. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(1).135-146 // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 1. — С. 135–146.

FOR CITATION

Alekseeva E.A. Transformation of the age structure of criminals in Russia and abroad. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 135–146. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(1).135-146.